Девять часов вечера.

Я сидел один в комнате Кунагисы, просматривая фотографии с цифровой камеры на компьютере, выглядевшем так, будто даже я мог (хоть немного) работать за ним. У него не было мышки, из-за чего работы была затруднена, но не слишком сильно.

Труп Канами-сан. Фотография груди и фотграфия всего тела. Фотография шеи без головы и фотграфия реки краски. Посреди реки лежал плащ. Мы не смогли забрать его, поскольку краска высохла и затвердела. Думаю, плащ могло было бы вытащить, но в этом не было смысла: он уже испорчен краской.

И, наконец…

Портрет, для которого я позировал, последняя работа Канами-сан.

Это неестественное чувство, которое я испытал, когда впервые посмотрел на это полотно во время изучения места преступления, вернулось.

Диссонанс.

Нечто чуждое.

Нутром чувствовал, но…

— Ах, я понял, — пробормотал я про себя.

Конечно. Стоило мне это увидеть, как всё стало ясно. Только я не мог понять, почему я далеко не сразу заметил это. Это ведь был очевидный огрех картины.

— Хмм…

Но вопросов от этого стало ещё больше.

Как это вообще могло произойти? Не было никаких причин, из-за которых это было бы возможно. Как художник уровня Канами-сан могла допустить такую простую ошибку?

Именно пока я думал об этом, кто-то постучался в дверь.

— Чёрт.

Видимо, Маки-сан снова пришла доставать меня. Я встал, счастливый, как никогда. Но когда я открыл дверь, там оказалась Хикари-сан. Впав в ступор от полёта своих мыслей, я уставился на неё на две или три секунды.

— Эм, привет, Хикари-сан. — Кое-как я смог связать слова. — Э-э-э, прошу, входи.

— Прости, что беспокою, — вежливо ответила она и вошла в комнату. Она оглядела комнату, а затем задала мне вопрос: — Эм, где я могу найти Кунагису-сан?

— Кунагису? Я связал её и бросил в ванну минутой ранее.

— Что?

— Она как кошка. Ей очень не нравится мыться. Её волосы должны были быть более светлыми,

но она никогда не моет их, поэтому они такие тёмные. Но избегать мытья у неё тоже не особо получается, поэтому она будто сдаётся, стоит ей немного промокнуть, так что она на какое-то время там задержится.

— О… о-о-о, значит, она как русская голубая?

Сказанное Хикари-сан не имело смысла, хотя на её лице было заметно некое просветление. Правда, я не понимал, о чём она говорила. Наверно, лучше будет не обращать внимания на это.

— В любом случае, если тебе нужно поговорить с ней, то тебе, скорее всего, придётся подождать. — Затем ко мне пришла мысль. Может быть, это была хорошая возможность. — Скажи мне, Хикари-сан, ты сейчас не занята?

— Что? Да. Я уже сделала всю работу на сегодня.

— Тогда не могла бы ты остаться здесь на некоторое время? Возможно, опасно будет оставлять Кунагиса наедине с собой, — сказал я, держа в голове слова Маки-сан. — Конечно, сейчас нам следовало бы успокоиться, ибо теперь убийце тяжело что-либо сделать, но это мера предосторожности. Не возражаешь?

— Нет, не возражаю. Наверно, — ответила она, хоть и волновалась немного при этом. — Конечно, не возражаю, но стоит ли тебе, ну, доверять мне?

— Никто не нападёт на нас обоих одновременно.

— Нет. Тебе не кажется, что Кунагиса сейчас уязвима?

Ах, ты об этом.

— В этот нет ничего такого, — кивнул я. — Тебе я могу верить, в отличие от Маки-сан.

На этой ноте я закрыл дверь и пошёл по коридору, а затем спустился на первый этаж.

— «Я могу верить»? — пробормотал я про себя, попутно коря.

С каких это пор я стал делать такие грандиозные заявления? Не похоже на меня.

Вопрос: что есть доверие?

Ответ: не возражать и не жалеть, если тебя предадут.

— В конце концов, это ничего не значит, ведь так?

Я дошёл до нужного места: до своей бывшей комнаты, ставшей тюрьмой для Соноямы Аканэ.

— Это я, — постучав, сказал я.

— А, ты — через секунду ответила она. Она говорила очень спокойно. — Как ты? Стоит ли тебе отходить от Кунагисы-тян? Ты сам не свой.

— Ну, я сомневался из-за этого, но… Мне хотелось бы извиниться перед вами.

— За что ты извиняешься? — слегка эксцентрично ответила она. — Разве не ты заступился за

меня? Прийти сюда и начать извиняться — всё равно что сказать, что я слишком узколобая, чтобы понять это. Во всяком случае, я должна поблагодарить тебя. Я должна была сразу предложить это, но, возможно, всё прошло бы не так хорошо, поэтому я обрадовалась, когда ты предложил это. Я должна поблагодарить тебя прямо сейчас. — Она ненадолго замолчала. — Спасибо.

— Да не за что.

Она не просто так стала членом «Семи глупцов». Туда нельзя было попасть, имея лишь острый ум и щепотку знаний.

— Кстати, когда Хикари-сан принесла мне обед, она рассказала, что вы с Кунагисой-тян тут что-то вынюхивали. Можно поинтересоваться вашими находками?

— Ну, я всё ещё не знаю, кто убийца.

— Всё ещё не знаешь? Эх, стоит ли мне искать здесь второе дно? Ха-ха, мне нравится твоя манера общения. Ладно, хорошо. Позволь мне задать другой вопрос. Есть предположения касательно той реки краски?

— А что насчёт тебя?

— Считаю, что это случай ошибки post-hoc.

— Это что-то на английском?

— На латыни. Что-то вроде «что посеешь, то и пожнёшь».

Ах.

Я вздохнул.

Получается, она уже могла понять, в чём секрет реки краски. Она уже разгадала эту загадку и теперь просто остаётся здесь, чтобы сохранить ту «враждебную атмосферу», которую мы создали вокруг убийцы. Она была действительно потрясающей женщиной, подумал я.

— Хе-хе-хе, — засмеялась она. — Наверно, даже хорошо, что я останусь здесь до прибытия любимчика Ирии-сан «Айкавы-сана», не так ли? В любом случае, я не вохражаю. В детстве я постоянно запиралась в своей комнате и читала. А она была гораздо меньше, чем эта.

— Так ты знаешь, кто убийца?

— Нет, не знаю. Правда, я не вру. Я не разбираюсь в подобном, хотя чисто из интереса я читаю детективы. Скажи, ты когда-либо читал Мусянокодзи?

Тема разговора резко изменилась. Мусянокодзи вообще писал детективы?

— Ну, я читал какой-то сборник, — ответил, слегка недоумевая.

— Тогда ты должен знать его повесть «Учитель правды».

Я знал её.

— Когда я впервые читала её, мне показалось, что она называлась «Мари-сэнсэй» и что она

была об очень наглой женщине. Не мне говорить об этом. Но ты помнишь начало повести, когда Синри-сэнсэй говорил, что никакая причина не оправдает убийство?

— Да, он сказал примерно вот что: «Не бывает ли у тебя ситуация, когда ты считаешь, что ты бы не стал возражать, если тебя попытаются убить? Дай мне знать, если придумаешь ситуация, в которой ты бы захотел умереть от чьей-либо руки. Если тебе не нравится сама мысль о том, что тебя могут убить, независимо от того, какими будут обстоятельства, то ты не имеешь никакого права убивать другого человека.» Я правильно вспомнил?

Даже с такой плохой памятью, как у меня, этот момент засел в моей голове.

— Верно, — ответила Аканэ-сан. — Теперь позволь мне задать тот же вопрос: при каких обстоятельствах ты был бы не против умереть от чьей-либо руки?

— Ни при каких.

— А если бы тебе, к примеру, пришлось выбирать между собой и Кунагисой-тян?

— Я не хочу думать об этом.

— Правда? — Она беззаботно засмеялась. — Значит, тебе не нравится принимать решения, да? Тебе всецело не нравится процесс решения. Вчера Химена-сан говорила о тебе то же самое, и я считаю, что она попала в точку. Ты просто плывёшь по течению. Ты ненавидишь соревнования и необходимость делать всё чётко по плану. Ты хочешь, чтобы всё оставалось неопределённым.

— И не поспоришь.

— Ты не возражишь, но и не согласишься. Ты согласился поиграть со мной в сёги, потому что ты знал, что с большой вероятностью проиграешь, не так ли? Иначе ты бы не стал соглашаться или соревноваться.

Я не ненавидел проигрывать, я терпеть не мог состязания. Меня полностью отталкивала идея соперничества с другими за что-то. Мне также не нравилось драться. Как итог, у меня вообще не было друзей.

— Тебе не нравятся другие люди?

— Не особо.

— Но тогда нравятся ли они тебе?

— Это не обязательно.

— Именно. Твои взгляды опираются на идею о необходимости жить в одиночестве. Так ты считаешь, да? Или нет, наверно, таково твоё желание. Это совершенный принцип, вокруг которого ты отталкиваешься. Ты делаешь всё возможное, чтобы ничем не заниматься и не нанести кому-либо вреда или доставить неудобств. Конечно, ты можешь поделиться своей радостью с другими, но ты не доходишь до той точки, в которой ты мог бы причинить вред, ведь так?

Мне всегда казалось, что пары, в которых люди постоянно ссорятся и при этом продолжают жить вместе, не отличались особым умом. Почему они не ладят друг с другом? Неужто это так сложно?

Почему же?

— С каких пор вы стали психологом, Аканэ-сан?

— Прости, но я знаток во всех дисциплинах. Подобная категоризация не имеет никакого смысла для меня. Хе-хе-хе. Ты неподдельно наслаждаешься одиночеством, да?

— Ну, да. Я сам себе друг.

— И то верно. И так со всеми. Так что насчёт Кунагисы-тян? В общём счете ты провёл вместе с ней чуть меньше года, да? Она тебе нравится?

Какой странный вопрос.

Мне задали тот же вопрос несколько лет назад. Тогда его задал её старший брат.

Но ответ оставался прежним.

— Не особо, нет. — Мой голос прозвучал настолько безнадёжно холодно, что я чуть ли не стал сомневаться, был ли он моим.

Почему?

Почему я был таким?

— Вот как? — Она словно удивилась. — А ведь ты ей нравишься, знаешь. Это точно.

— Да, знаю. Она сказала мне это несколько раз.

— Мне не особо нравятся подобные разговоры, но ты когда-нибудь думал над тем, почему такое огромное количество всё ещё сходится между собой, несмотря на то, что в мире полно таких пар? Разве это не странно? Человеку, которого ты любишь, было бы очень удобно полюбить тебя в ответ. Жизнь не похожа на мангу в жанре «сёдзе». Но можно быть уверенным в том, что на деле в группе из ста человек большинство смогло бы найти свою любовь. Как думаешь, почему это происходит?

— Не знаю. Я никогда не думал об этом. Разве это не совпадение? Типа как закон больших чисел или что-то вроде него?

— Я так не думаю. Такое совпадение невозможно. Это вывод, к которому я пришёл: всё потому, что ты чувствуешь себя хорошо, когда тебя любят. Достаточно быть любимым другим человеком, чтобы почувствовать себя счастливым и заставить себя полюбить этого человека в ответ, — уверенно сказала она. Даже сквозь дверь я мог увидеть её добродушную маленькую улыбку. Разговор длился чересчур долго для меня. Я чувстовал, будто меня скоро раздавят.

— А к чему ты клонишь?

— О, нет-нет… Мне просто стало интересно, почему ты не влюбился в Кунагису-тян, и ты знаешь, каково это для нас, учёных. Если мы не сможем что-то узнать, то это будет постоянно беспокоить нас.

— Она любит всех. Не шучу, всех. Не то чтобы она хотела именно меня, — выпалил я.

— Так вот в чём дело, — сказала Аканэ-сан. — Ты не хочешь быть любимым ей. Ты хочешь быть

избранным ей. Быть её единственным.

Я…

Не мог с этим поспорить.

— Хмм, но почему именно ей? Именно это я не могу понять. Возможно, на это есть очевидная причина, но я не понимаю, какая. Будь вы парой, вы бы конфликтовали между собой из-за собственных черт характера и привычек, так? Знаешь, кто-то мог бы сказать, что очень легко можно не заинтересовать одного человека в другом.

Легко?

Кто?

— Вы говорите о добродушии? — спросил я.

— Да. В любом случае, теоретически некто с твоим характером не смог бы вытерпеть отношения эмоционально незрелой девушкой, несмотря на своё главенствующее положение. К тому же ты мужчина.

— С ней весело. Или… — Я осторожно подбирал слова. — Точнее, весело быть на её стороне.

Веселее всего в мире было на её стороне. Именно из-за этого я вернулся в Японию.

— Ага-а-а, — сказала Аканэ-сан. — Значит, у тебя есть наклонности к мазохизму?

— Да, до мозга костей. Меня травили в начальной школе.

— Тебя травили? Нет, я считаю, что дело было в другом: думаю, тебе не уделяли внимания. Есть разница между оскорблением и пренебрежением. Травят обычно слабых детей и лжецов. А изгоям просто не уделяли внимания. Но я знаю, что ты чувствуешь. Когда я училась в старших классах, мне казалось, что меня окружают пришельцы. Никто не стремился к высшему баллу на тестах — все стремились к обычным результатам. Когда мы бежали марафон, они обычно говорили: «Эй, давайте побежим вместе!» Они были эгалитаристами, к добру или к худу. Они сказали бы тебе, что число пи равняется трём. Конечно, и другие члены «Семи глупцов» утверждают, что испытывали схожие чувства. Это трагедия 0,14. В мире эгалитаристов именно изгои ощущают настоящую изоляцию. В таких условиях и рождаются гении, но не все изгои — гении.

— То есть условие для становления гения, а не его гарант? Ну, я определённо не гений.

— Может, и нет, но я считаю, что ты точно знаешь, в чём разница между советом и приказом, поэтому позволь мне дать тебе дружеский совет: если ты хочешь, чтобы Кунагиса-тян выбрала тебя, то просто возьми её. Если ты это сделаешь, то станешь единственным для неё. Она не устоит, это точно. Неважно, насколько ты интровертный, мрачный, встревоженный и обделённый, я уверена, что смелости в тебе хватит хотя бы на это.

— Нет.

— Значит, ты морская свинка?

Кто?

— Может, мне действительно не хватает уверенности в себе, но ты и впрямь считаешь, что я трус?

По крайней мере, я был не как Чи-кун.

— Ой, прошу прощения. Хе-хе-хе, ты ведь мне нравишься,знаешь? Как жаль, что ты не женщина.

С чего бы это вдруг?

Я уже не понимал, что она пыталась сказать. Нет, это неправильно. Мне уже было больно держать себя в руках. Если всё это продлится ещё хоть чуть-чуть...

— Ну, в этом нет ничего плохого. Я уверена, что скоро всё прояснится. Время всегда что-то проясняет. Кстати, скажи мне, тебе доводилось слышать теорию об одном идеальном ходе, который можно всегда сделать, в антагонистических играх вроде сёги и шахмат?

— Это что-то типа дилеммы заключённого?

— Да. Движения фигур в сёги математически ограничены, поэтому всегда можно сделать один идеальный ход. Однако, технически можно предрешить исход партии первым же ходом. Конечно, при условии, что оба игрока играют идеально. Что, если применить всё это к убийце? Интересно, как это воспримет Айкава-сан? Разве это не захватывающая идея? Но эта загадка всё ещё больше напоминает лабиринт, нежели игру в сёги.

— Лабиринт? Но лабиринты простые. Если просто держаться рукой за одну из стен, то рано или поздно можно будет выбраться. Это вопрос времени.

— Ты говоришь о простом лабиринте. Я думаю, что это дело похоже на многосвязный лабиринт. Но и для него существует верная стратегия, но её тяжело объяснить. Почитай об этом, если будет время. А ты точно не хочешь играть в игры, в которых нет верной стратегии для игры?

Игры без верной стратегии.

Без точного шанса на победу...

Хм.

Что, если этот случай был именно таким?

Тревога. Будто стою на трясущихся ногах.

Мне поплохело.

— Если так подумать... — продолжила она. Этот тошнотворный разговор. Было тошно.

— Эм, Аканэ-сан? — сказал я, будучи уже в состоянии сдерживаться. — Мне хотелось бы поговорить об этом, но меня ждут в моей комнате. — Я с трудом связал эти слова в предложение. Я подавил желание броситься к себе. — Наверно, мне лучше пойти обратно.

— А, ладно. Прости меня за это, — ответила она.

Видимо, это немного разочаровывало.

— В любом случае, прошу, прийди ещё раз. Ты и впрямь помогеншь скоротать время.

— Спасибо. Ну, увидимся позже.

На этом я начал уходить, но кое-что меня всё ещё беспокоило. Я снова постучался.

— Эм, насчёт твоего вопроса...

— Хм? Что насчёт него?

— При каких обстоятельствах ты бы не пожалела о том, что тебя убьют?

— Ни при каких — в любое время. — Это был прямой ответ. — Я умру, когда моё время придёт. Неважно, где и как я умру или кто и почему убьёт меня, ты не услышишь ни единой жалобы от меня.

Уже на этом я вернулся в комнату Кунагисы, вообще не думая о том, что это был последний раз, когда я взаимодействовал с Соноямой Аканэ, этим гением среди гениев высшего порядка в составе «Семи глупцов» из всестороннего исследовательского центра ER3...

http://tl.rulate.ru/book/4792/2380690